



На кругах

Серый, прохладный час. Роса не выпадала. Трубеж не курится. Деревянные, булыжные Рыбаки — пойменный Переславль-Залесский — безмолвны: ночная смена не возвращалась с фабрик, утренняя спит.

Сажу на лавочке возле глухого забора, смотрю на реку, неподвижную, отлитую из чёрно-зелёного металла, радуюсь безветрию, жду Олега: вчера уговорились плыть в озеро, стоять в Грачках утиную зорю, потом блеснить шук. День будний, охотники, если и появятся, то местные. Постоим, протолкаемся камышиными протоками до речки Язевки, а лучше — до Симоныча.¹ Повезёт — хорошо, нет — ладно, займёмся рыбалкой...

В верховьях заводят мотор. Похоже, возле городского моста. Кто-то нас опережает.

В ближнем проулке торопливые шаги. Хлопая отворотами болотных сапог, появляется Олег.

Спускаемся к Трубежу. Отвязываю лодку Васи, приятеля Олега, слесаря здешней ткацко-прядельной фабрики. Сам Вася ныне на работе.

— Нет, на моей пойдём, — говорит Олег.

— Мотор переставлять придётся.

— Ничего...

Из-под пешеходного моста выныривает зелёная, с белой полосой по борту моторка. В моторке трое — чёрный клеёнчатый плащ, меховая безрукавка и ватник. У безрукавки на коленях расчехлённая «ижевка». Охотники. Косятся в нашу сторону, уходят.

Перетаскиваю Васин «Вихрь» на серо-голубую лодку Олега. Отталкиваемся. Олег возится с пуском. Мотор остыл. Олег дёргает раз, другой, третий... Хлестнуло шнуром. Оглушительный рёв, резкий запах горелого масла. Устраиваюсь на средней скамье, чтоб лодка не «зарылась». Лёгкий толчок, словно ударили под днище и подпихнули. Вода, ожив, расступается. Наконец!..

Трубеж неширок: плакучие ивы едва не смыкаются над ним, тяжёлая тень их навсегда утонула в реке, полоса живого зелёного золота в солнечный день бьётся только на серёдке. Мостки, купальни... Отсюда выплёскивают помои, тут же полощут бельё, удят плотву, детвора купается.

Перед устьем Трубеж слегка заворачивает к северо-востоку.

Перехожу на нос: озеро вблизи берегов мелководно, надо выровнять лодку, чтобы не скрести винтом, не погнуть лопасти.

На востоке, за Никитским монастырём, — тонкая полоска киновари. Небо, вода и воздух словно бы потемнели, гривы лесов на Кухмаре и на Ботике неотличимы от холмов, впереди — кисея тумана, и даже рафинадный Горицкий монастырь на западе выглядит серым.

На малых оборотах ползём сквозь кольцо «травы». Нитки растений дотянулись до поверхности озера, вода кажется рябой. Переславцы говорят, что «трава» окольцевала Плещеево уже после войны, в начале шестидесятых. Думают, семена растений занесли дикие утки. Сторонники «утиной» версии указывают на схожесть появившихся водорослей с морскими. Как бы то ни было, «трава» на новом месте освоилась. Ещё десять лет назад полоска гибких буроватых нитей, колыхавшихся на границе мелководья с «провалами», представлялась жиденькой и безобидной. Сегодня водоросли окрепли, растут густо, «кольцо» расплзлось в ширину, жадно тянется к берегам.

Олег выключает мотор, чертыхаясь, очищает лопасти винта от намотавшихся скользких стеблей.

* Прибытков, В. На кругах / В. Прибытков // *Вокруг света*. — 1973. — № 2. — С. 59—63.

¹Здесь ошибочное название ручья, правильно Сиваныч. Дальше по тексту статьи автор часто путается в исторических событиях и местной географии. — *Ред.*

— Скоро совсем зарастёт! — ворчит он.

* * *

Нет ветра, нет и волны. Озеро отполировали. Киноварь, прочёркнутая редкими тучками, загустела, поднялась в треть неба, отсвет её, миновав подбережье, проник в воду, пропитал её, но света мало. Черны холмы, черны зигзаги лесов, черны прочерки туч, чёрен силуэт монастыря, просто за холмами, за монастырём и в чёрной воде — густая киноварь. Неправдоподобно: правдоподобию нужны полутона...

Олег запускает мотор, перебираюсь на корму, нос лодки поднимается к небу, винт вспарывает глубину, мы гоним огненную волну, и вдоль бортов взмывают прозрачные зелено-розовые крылья водяной пыли...

Берега еле различимы. Под смолёным днищем труднообразимая ледяная глубина: на таинственном дне Плещеева бьют несчётные ключи, солнце не в силах прогреть тридцатиметровую толщу озёрных вод.

В тихую погоду о глубине забывают. Но чуть подул, появились белокипенные «барашки», и тотчас веселые ялики, юркие «казанки», байдарки, водяные велосипеды — всё это полчище водомерок стремительно сигает под защиту берега. На волне только чайки да похожие на громадных бесстрашных чаек прадедовские плоскодонки: стоят на якоре, клюют носом, оседают на корму, а мужичок-рыбачок знай меняет наживку на удочках и тарашится на «кивки», чтоб успеть подхватить лесу, пульсирующую живым грузом. Плоскодонка непогоды не боится.

Кидает на борт: Олег резко взял право руля. Осматриваюсь. Туман поредел, приподнялся, чуть левее нас на воде цепочка чёрных предметов, словно гигантские разорванные чётки плавают в озере. Уж не объявился ли и в Плещеевом свой легендарный змей, не позвонки ли чудовища торчат над озёрной гладью?

Какой там змей! Вон силуэт буксира, вон и лодки, похожие на чёрные чёрточки среди грифельного поля. Чёрточки медленно движутся вдоль «позвонков». А «позвонки» — деревянные буи огромной сети.

Велика власть термина над человеком! Впервые попав на Плещеево, услышав название «Рыбозавод», я вообразил предприятие, оснащённое флотилией катеров, цехи, холодильники.

— Рыбозавод? — ухмыльнулся Вася. — Шарашкина контора это, а не завод! Остались девять пенсионеров и орудуют. Ряпушку прибирают! Ну конечно, план составили. Изловить столько-то центнеров прочей рыбы: на ряпушке круглый год не поработаешь! Шуруют! Гребут сетями плотик с окунишками! День ловят, день разбирают, день приходуют, день в магазины сдают. По двугривенному за килограмм. А кто же её, тухлую, даже задаром возьмёт? У нас ребята свежие сколько хошь наловят! Ну полежит, полежит рыбка в магазине, сильно завоняет, её либо свиньям кинут, либо так бросят... За-а-авод!

Вася сплюнул.

— Ряпушку-то берут, — добавил он.

В ясный день, на закате, нет-нет да и стрельнут в воде, в мягких лучах солнца, сотни серебряных стрелок. Сверкнут, раздражат и исчезнут. Серебряные стрелки эти и есть ряпушка, или, иначе, переславская селёдка, не берущая никакой приманки, гуляющая стремительными косяками на самой глубокой глубине легендарная рыба, сказочная явь Плещеева озера.¹

Никакие Эри и Онтарио, никакие Комо и Маджоре не пришлись по нраву ряпушке. Даже Байкал оказался непригож. Угодила только переславская земля. Но угодить угодила, а защитить не могла: как-никак целых пять столетий черпали из Плещеева рыбку понимавшие толк в яствах троиче-сергиевские игумены.²

Глубокой осенью, чуть ледок, перегораживали устье Вёксы плотные сети.³ Монастырские мужики, дрожа от холода, забредали в воду. Ряпушка своенравна и своеобычна. Все рыбы икру мечут по весне, она — под зиму. И никуда не идёт, кроме как на мели и в Вёксу. Другие речушки зазря стараются, струят светлые потоки, песчинки перебирают: властная тайна, непреодолимый инстинкт гонят ряпушку к Вёксе! Тут её и брали, не поспедали заводить сети. Валили на побитую инеем траву, набивали трепещущей рыбой рогожные кули, лубяные коробки, громоздили кули и коробки на телеги и сани. А схлынет поздняя путина — ползли длинные

¹Биологически ряпушка — это сиг, а не селёдка. — *Ред.*

²Ряпушка живёт в Ладожском, Онежском, Псковском и Чудском озёрах, в Ботническом и Финском заливах. — *Ред.*

³Река Вёкса течёт из Плещеева озера в Сомино озеро. Устье реки Вёксы находится в Сомино озере, далеко от Плещеева озера, поэтому ряпушка не может зайти в устье Вёксы. Сетями перегораживали исток Вёксы. — *Ред.*

обозы по лесным, увалистым дорогам к Троице и Москве, визжали полозьями, и монастырские приказчики зорко следили, чтобы мужик-возчик не своровал, не свалил бы плохо привязанный куль в заветный овражек, не проколупал бы дырки в рогоже и не сжевал бы копчушку: не по барину говядина, ряпушку царь-государь и митрополит обожают!..¹

Обездоленный переславец вздыхал, помалкивал, а сам, выбрав ночку потемней, шёл в непогоду на запретный промысел — и уж тут не терялся, охулки на руку не клал! Разве грех хозяйским добром попользоваться?²

Так нищало озеро. Казалось, пройдёт десяток-другой годков, и городу нечем станет кормиться...

Монастыри давно превращены в музеи. Добыча рыбы в Плещеевом регламентирована. Возникла было после Великой Отечественной войны угроза гибели ряпушки — ихтиологи спасли редкостный вид, приумножили численность его. Да, для Плещеева настали новые времена. Но и проблемы ныне возникли новые.

Помню, прошлым летом, возвращаясь с Урёва, заметили плывущего поверху огромного окуня. Вася не растерялся, ударил шестом.

— Скажи, повезло! — возбуждённо приговаривал он, перекидывая рыбину на ладонях. — Глубинный, чёрт! Такого сетью не зацепишь, а тут на, сам в руки!..

Второго вялого «глубинника» взяли подсаком. Возле веськовского берега, толкая лодку, Вася сапогом затоптал третьего. И перестал радоваться «подаркам».

Разглядели пойманных рыб. Жабры у всех тёмные, словно прокуренные.

— Больные, точняк! — сказал Вася. — Травленные!

Потом мы находили в прибрежной осоке и окуней, и язей в добрую четверть, и полуметровых налимов, не говоря об ершах и густере, которых волна прибывала, как пену.

Вася и прочие рыбаки винули в массовой гибели рыбы местные фабрики: сбрасывают в Трубеж ядовитые отходы, ни о чём, кроме плана, не думают, как же не случится беде?

Ихтиологи полагали, что причиной внезапной гибели плещеевской рыбы могло стать извержение на больших глубинах природного газа.

Может, и впрямь газ? Но почему, входя в реку из озера, всегда ощущаешь запах химикатов?

Беседовал об этом со сведущим молодым человеком.

— Не волнуйтесь, — сказал молодой человек. — Новые переславские предприятия ничего ни в Трубеж, ни в озеро не сбрасывают. Им даже воду из Плещеева озера брать запрещено. Скоро и старые фабрики начнут сбрасывать отходы не в Трубеж, а в Нерль. Сейчас о другом печься надо. Местные браконьеры — вот истинный бич озера!

Промышленные отходы польются в Нерль? Но разве Нерль неуязвима и не пострадает?

Предприятиям запретили брать воду непосредственно из озера? Но разве мощные артезианские колодцы, которые сейчас бурят вокруг, не повлияют на водный режим Плещеева?..

Спрашивал Васю:

— Браконьеришь?

Признался:

— Ага.

И ошетинился:

— А кто нынче не браконьерит? Кого лень одолела да у кого мотор плохой!.. Вы не осуждайте! Много ли я выпарками³ возьму? Десяток килограммов за ночь! Эва, урон! А они?

«Они» — это, видимо, администрация фабрик, спускавшая в озеро ядовитые отходы производства, Рыбозавод, торгующий в Переславле никому не нужной мелюзгой, и, как выясняется, иные рыбинспекторы.

— В прошлом году ходил с Пашкой под Меля! — жалуется Вася. — Кило двадцать взяли. Ну и нарвались: катер, инспекция... Я рыбу под днище да плащом прикрыл, в лодке — чисто! Инспектору за здорово живёшь ко мне прыгать не приходится, так он хитростью взял! «Дай рыбки», — говорит. Обошлось бы, коли не Пашка. Подвёл. «Вась, — говорит, — они же добром, без акту. Тоже люди! Дай!..» Я, дурак, и послушался! Нагрёб инспектору кил десять... На другой день — бац, штраф! Я на Рыбозавод, к кладовщице, знакомая была: «Так, мол,

¹Царь и митрополит получали ряпушку от рыбаков переславской Рыбной слободы, а не от Троице-Сергиевой лавры. — *Ред.*

²Это было до 1861 года, потому что в 1861 году все монастырские крестьяне были взяты в казну. — *Ред.*

³Выпарки — местное название мелкочаечистой, обычно капроновой сети.

и так. Принимала рыбу у инспектора?» — «Принимала, — говорит. — Три кило сдал!..» Во! Три из десяти! А ты попрекаешь — «браконьер»!

* * *

Всё вокруг изменилось: киноварь высвечена розово-жёлтым, туман истончился, рвётся, висит кисейными клочьями, вот-вот взойдёт солнце, и плоские молнии хвойных боров на холмах проступают из предрассветного хаоса чередой отдельных вершин и стволов.

Далёкий дуплет. Ещё один. Стреляют на Сомино озеро, закрытом для охоты. Переславские охотники рассудили мудро, оставляя утке место покоя в лесном, сильно заболоченном уголке угодий. На самом Плещеевом ни утке, ни куликам покоя уже нет. Едва сошёл лёд, начинают трещать моторы. Рыбаки, любители пикников и туристы бороздят озеро во всех направлениях, отыскивая приют поукромнее, готовы залезть к чёрту в зубы!.. Лодок только в Переславле свыше тысячи. По субботам и воскресеньям в озеро выходят не менее пятисот. На каждой по пять, по семь человек. А тут ещё приезжие!

...Прямо по носу — полосы и островки редкой тресты, камыши, кусты низменного берега, знакомая ива подле Урёва, а за трестой за кустами — ровная стена сосняка: Грачки, утиное царство Плещеева.

Тонкое, сверкающее лезвие солнца распоролло ночь, её завесы пали; похоже, заря, скинув одежды, бросилась с разбегу в озеро и радостно плещет золотой водяной пылью и на блеклые стебли тресты, и на бархатные метёлки камышей, и на чёрную зелень кустов, и на голубые кроны сосен, высоко поднятые на розовых стволах в блеклое небо.

Вот таким утром, наверное, и придуман миф об Афродите!..

Оглядываюсь: Переславль в глубокой тени восхода, слился с тёмной водой, погружён в неё, как град Китеж. Только Горицкий монастырь осиян.

Олег кричит что-то неслышное за грохотом мотора, тычет рукой в небо. Там, в небе, пройдя над Мелями, сворачивает в озеро стайка уток, не разобрать, чирковых или кряковых. Они идут высоко, идут на нас, постепенно снижаясь, и отклоняются к Урёву. Быстро-быстро работают крылья. Кажется, слышен упругий свист воздуха в перьях.

Наверное, стайку подняли на Сомино браконьерские выстрелы. Эх, не удержишься Олег с блёснами, стояли бы мы на месте!

с. 62 Стайка стелется над самой водой, её отделяют от берега считанные десятки метров, миг — и шлёпнется на озеро. Но стая взмывает, отваливает, и в тот же миг слышны выстрелы. Один. Ещё один. И два торопливых, в угон. Стая снова высоко, она уходит куда-то к Еглевским кустам или Куротню, за солнышком не видно.

Мотор выключен. Олег привычно очищает винт от травы, я торопливо гребу. Вода чиста, прозрачна, песчаное дно совсем близко, только вот шест не достаёт.

В стороне Куротня гремят выстрелы: стайку и там встретили.

Берег приближается невыносимо медленно.

Наконец шест коснулся дна. Заталкиваю лодку носом в тресту. С Олегом поменялись местами: я на корме, он прошёл вперёд. Накидываю на мотор защитную куртку, натягиваю капюшон, заряжаю. Ну, теперь лети! Теперь только бы налетела!..

Тихо. Вытащив пачку сигарет, Олег закуривает. Шипя, гаснет в воде спичка. К охоте Олег равнодушен. Пойдёт утка или не пойдёт — это его интересует лишь постольку, поскольку от успеха охоты зависит, как скоро мы вернёмся в озеро и станем блеснить. Сейчас он отдыхает: зажмурился, подставил солнцу скуластое лицо, изредка подносит к узким губам сигарету и затягивается лениво, больше палит табак, чем курит.

Они с Васей друзья детства, росли на соседних улицах, учились до восьмого класса в одной школе, в войну, мальчишками, помогали солдаткам-матерям, ходили на вёслах через всё озеро, на Кухмар или сюда, в Грачки, за сушняком и хворостом. В те годы ловля рыбы стала не ребяческой забавой, а тяжёлой работой: пойманные ерши и корзохи¹ помогали продержаться, не обессилеть от голодухи.

Мать Олега, или, как её зовут на улице и в семье, «баба Варя», женщина моложавая и весёлая, несмотря на возраст и перенесённую горе (мужа убили на фронте, трое детей умерли в детстве от болезней и недоедания), рассказывала:

¹ Корзоха — местное название густеры.

— Собираешь, бывало, Олечку за дровами, кутаешь, а сама слезами обливаешься. На озере-то волна! Ну, как не сгребут?.. Ну, как перевернёт?.. А печь-то холодная. А дров-то никто нам не припасал. А младших-то кормить и обогреть надо. Вот и покрикиваю, чтоб боль не выдать. И уйдёт. Маленький, шапка на нос сползла, рукавички матерчатые... Сяду и зареву. Зарок даю: обойдётся — никуда больше не пошлю... Да, было, было... Солоно было. Но живём! — Глянула блестящими голубыми глазами, забавно сморщила нос, к вискам бросились морщинки, засмеялась.

Живёт, живёт «баба Варя», семижилная, неунывающая русская женщина! Вынянчила шестерых уцелевших, поставила на ноги, вывела в люди. Все ходили в школу, младшая, Маша, два года назад закончила приборостроительный техникум, а Олег проявил упорство: даром что старший — стал инженером-металлургом.

Олег живёт и работает на Урале, там женился, но родной край не забыл. Отправит жену с дочкой на курорт, в Сочи или в Гагры, а сам — сюда, к матери, к друзьям юности. «К озеру в гости», — говорит.

Олег и Вася люди разные, дороги их давно разошлись: Вася учиться не хотел, он и теперь читает мало, разве что детектив или газету с касающимся его быта постановлением правительства, — но Олег, только чемоданы бросит, сразу к нему, и той же ночью оба на озере...

Первый выстрел — возле урёвской ивы, другие — ближе, ближе, ближе: мазилы «провожают» утку или стайку, не знаю точно, мне ещё ничего не видно, я только изготовился, присел, верчу головой, страшусь проморгать дичь.

Бах! Ба-бах! Ба-бах!..

Это уже совсем рядом, прямо перед нами (да где же, где же?!), а вот и они, два кряковых, оба на виду — бархат и атлас, изумруд и сепия, оранжевые перепончатые лапки, шеи — стрелы, оба — на лодку, на штык!..

Не успел вскинуть ружьё — из камышей, с полутора десятка метров, прямо по нашей протоке, словно кнутом — дробь!

Боль в руке, положенной на цевьё.

Вскочив на ноги, кричу стрелявшему по протоке:

— Ты! Разве не видел нас? О чём думал?!

Камыши молчат. Невидимый стрелок слышит, до него рукой подать, но ни гу-гу!

— Олег, выводи лодку, посмотрим, кто это!

— Его не рассматривать — бить надо! — громыхает Олег, пихаясь шестом.

Выгоняем на чистое. Напрасно: слышно, как трещит, шумит треста, булькает вода; стрелок, забредший в воду с берега, торопится избежать встречи. Уйдёт, не догнать.

— По шее ему дайте! — доносится голос сзади, почти с того места, где стояли мы сами. — По людям стреляет, чёрт!

Эге! Да тут кругом полно!

Разламываю ружьё. Патроны со стуком вылетают на дно лодки. Олег, добрая душа, смотрит в сторону.

* * *

Опять мы в озере. Справа по борту — Кухмар, слева — Крутые Бережки. Олег разматывает огромные удочки, толстая леса неровными кольцами ложится возле сапог. Сухие короткие пальцы Олега привычно пробуют, как держатся грузила, крепят блёсны — большие, в ладонь!

— Рассчитываешь кита подцепить?

— Ага.

Берёт трёхметровое удилище, за борт летит блесна, за ней другая. Кольца леса оживают, разматываясь и карабкаясь по бортовым доскам. Ждём, пока не замрут.

Швырнув окурок, Олег берётся за рукоятку мотора...

Ходим кругами. Радиус каждого — километр. В полусотне метров позади, в незримых глубинах, волочатся, вертятся блёсны, дразнят, заманивают плещеевских щук. Длинные концы удилищ неподвижно торчат с двух сторон.

Милые вы мои люди, дорогие вы мои рыбачки! Хотел бы я знать, кто из вас первый сочинил легенду о двухметровых щуках, брёвнами лежащих на здешнем дне? Кто пустил гулять по свету небылицу о трёхпудовой «царской щуке», о язе, окольцованном самим Петром и доселе плавающим в озере? Где они, удалцы-переславцы, бывшие острогами могучих молочников? Назовите их имена! Объясните, отчего это щука в краеведческом музее не достигает и полутора метров?

Слишком много легенд развеялось, как дым, у меня на глазах, чтоб бездумно верить ещё одной. А Олег, смотри-ка, ведёт лодку строгим курсом, и лицо у человека такое, словно важным делом занят! Нет-нет да и вскинет карие глаза на удилища. Проверяет целость, что ли?

Скрывая смех, черпаю из-за борта, ополаскиваю лицо.

с. 63 Плавно поворачивается озеро: дальний Ботик, Вёськово, Горицкий монастырь, город, горка Александра Невского, Синий Камень, Кухмар, Меля, Урёв, Грачки, Симоныч, Дом рыбака, Куротень, и снова — дальний Ботик, Вёськово...

Флотилия Рыбозавода незаметно убралась восвояси. Час ранний, воды пустынно, лишь на траверзе Дома рыбака покоятся среди солнечных бликов две лодки. Там, на лодках, не мудрствуют, ловят на обычные поплавковые, и вроде удачно: удочки то и дело взмётываются.

А мы ходим на кругах.

Синий Камень, Кухмар, Меля... Грачки, Симоныч, Куротень...

Вася, уж на что рыбак, никогда не ловит «на кругах». Всем любительским снастям и способам ловли он предпочитает ловлю на «кивки».

«Кивок» — это короткая, сантиметров на сорок-пятьдесят удочка из прута или палочки. К тонкому верхнему концу удочки крепится пружинка или резиновая трубочка. Леса, укреплённая на прутике, пропускается вместе с грузилом сквозь пружинку. От лесы отводятся «спуски» — десятисантиметровые отрезки с крючками на конце. Как правило, на каждом «кивке» до пяти «спусков». Плещеевские рыбаки забирают на лов по несколько «кивков». Бросают якорь, расставляют «кивки» по бортам лодки, иногда прибавляют к бортам гвоздиками. Нацепив на крючки наживу, опускают лесы в воду. Грузила утягивают лесы и спуски на глубину. Сиди и посматривай, как колеблется на зыби гибкая пружинка, не пропусти миг, когда резко «кивнёт»...

Ловля на «кивки» интересна и добычлива. На закате за час-другой втроем-вчетвером мы налавливали по ведру рыбы. На «кивок» можно поймать и окуня, и корзоху, и плотву, и ерша. Того знаменитого, «мерного» вёсковского ерша, что необходим любой ухе, хорош жареный и великолепен копчёный.

В Плещеевом можно, наверное, поймать любую рыбину, кроме той щуки, которую ловим мы с Олегом. Но мы ловим. Мы кружим и кружим, и озеро всё поворачивается и поворачивается вокруг, и мотор стучит и стучит, и припекает, и глазам больно от солнечной ряби, и глаза закрываются, и рокот мотора становится глуше, но открыть глаза и посмотреть — почему, не хочется, смотреть лень, и так хорошо...

Посчастливилось: на миг очнулся, а в следующий миг сонную одурь как рукой сняло: правое удилище, толстое, как дубинка, неподвижное, вдруг сгибается лозою, достаёт концом кормы. Внезапный рывок заворачивает лодку. Цепляюсь за борт. Олег бросил мотор, пал на колени, дотянулся до удилища: удержать, подсечь! Держит конец удилища обеими руками. Побагровел от натуги. Проходит вечность. Сижу неподвижно, не зная, что делать, боясь помешать. Олег задержал дыхание. И вдруг удилище со свистом распрямляется. Взметнулось над нами, дрожит.

Олег разжимает руки, садится на дно лодки, срывает матерчатую шапочку:

— Сорвалась!

— Думаешь, здоровая?

— А ты не видел?!

Видел! И готов поверить, что посягнула на блесну та самая, «царёва»! Почти убеждён: не замечтайся Олег, держал бы в руках перстень Петра!

Олег сматывает лесу. Блесны нет.

— Срезала... — бормочет Олег. — Самую малость опоздал! Эх!..

Теперь мой черёд смотреть в сторону, но азарт силён, и, рассматривая срез лесы, я говорю:

— Давай ещё, а? Домой рано. Только уж ты следи за удилищем, на мотор я сяду! Давай, давай!

Перехожу на корму...

Но охотничье и рыбацкое счастье не спортлото: два раза подряд не выиграешь! Ловим, ловим... Час миновал, печёт, а удилища хоть бы шелохнулись.

— Сматываем! — решает Олег. — Поздно!

Верно, поздно. По прибрежным шоссе бегут маленькие грузовички, вскрикнул тепловозик прибрежной узкоколейки, поднялись дымки над палатками туристов, плывут сине-белые клубы дыма над городом, лодки зашныряли: утро...

* * *

Идём в Переславль.

Разыгрался ветерок, погнал зелёную волну, тербит её за белые хохлы.

— Отец рассказывал: ночью уйдут «на кругах» ловить, утром возвращаются, а в устье Трубежа народ встречает, смотрит, кому повезло, кто какую щуку вытянул, — вспоминает Олег. — Вот отец был рыбак, да! Он бы с пустыми руками не вернулся...

Нас возле Трубежа не встречают, в лодку никто не заглядывает: не рыбою ныне жив древний город.

Оглядываюсь. Широко, вольно распахнута даль, свободно ходят, сверкают, дробя солнце, словно перекидывают в могучих ладонях золотых рыбин, аквамаиновые валы.

Так играла стихия при Александре Невском, так играть ей и при внуках внуков наших.

Здравствуй, озеро! Здравствуй всегда!